

Документальный
экран

Две судьбы

ДВЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ картины: одна снята на студии «Леннаучфильм» в 1967 году — «Горький. Последние годы», другая датирована 1984 годом и сделана на ЛСДФ — «Альтовская соната. Дмитрий Шостакович». Авторы обеих картин — режиссер Семен Аранович (второй режиссер в фильме о Шостаковиче — Александр Сокуров) и сценарист Борис Добродеев.

У картина о Горьком имеет подзаголовок — «Фрагменты из не написанной биографии. 1926—36 годы». Напряженный период жизни Писателя: Италия, приезд в Москву в 1928 году, осложнение давней болезни и снова Италия. Мучительная долгая работа над «Климом Самгиным» — мучительные думы о судьбах Революции, новой литературы, русской деревни, русской интеллигенции. Смерть сына Максима. И нарастающее в душе ощущение драматизма эпохи — «великие трагедии ждут нас»... В фильме используются интереснейшие документы, на основе которых воссоздаются взаимоотношения Горького с современниками — Роменом Ролланом, Ф. Шалапиным, молодыми советскими литераторами. Со Сталиным — личность его и притягивала, и отталкивала писателя.

В начале картины лицо Горького, чеканно-монолитное, как бы оживало на наших глазах: чуть шевельнулись густые, обычно сдвинутые брови, мелькнула полуулыбка — вот-вот он что-то скажет нам... Мы увидим в этом человеке-легенде, человеке-символе немало человеческого. Мы узнаем его таким живым, таким разным — сомневающимся и усталым, «домашним» и одиноким. Мы еще раз пойдем, как не просто нести свой дар художника, прозорливца, мудреца и правдоискателя.

Художественные приемы, заявленные в фильме о Горьком, полностью реализовались в ленте о Шостаковиче.

В картине прослеживается вся

его жизнь. Однако в ней нет хрестоматийно-бесстрастной повествовательности: с помощью продуманных «вторжений» в хроникально-документальный изобразительный ряд возникает новая художественная реальность. Из множества, казалось бы, незначащих деталей и подробностей, из потока хроники незаметно вырастают образы, знаки Времени. Мы ощущаем течение жизни, дыхание и ритм меняющейся на наших глазах эпохи.

А за кадром, бурля, мучаясь, взрываясь, звучит великая и трагическая музыка Шостаковича. Звучит, не иллюстрируя, не «сопровождая» изображение, а как бы вскрывая его изнутри, подчеркивая, обостряя заложенный в нем драматизм. Как музыкальный символ времени, врывается «Песня о встречном»: на экране физкультурные парады — тоже примета тех лет. Идут и идут шеренги рослых, загорелых, молодых. Белоснежные костюмы, приветственные жесты, чеканный шаг. И — улыбки, улыбки на таких красивых девичьих, юношеских лицах... Но музыка! Музыка... В ней нерв и страсть, и тревога, и предчувствие грядущих испытаний. Музыка рвется и бьется, не находя выхода и покоя, словно стремясь достучаться — до нас ли? До них?

Трагическое мироощущение, обостренное понимание противоречий между обликом и сутью рождали великую музыку Шостаковича. Шествия, парады, марши, учебные бои... А рядом уже зарождается, нарастая, знаковая мелодия из его Седьмой симфонии — ее называют темой фашистского нашествия. Свистящие, чуть «вздернутые» окончания размеренно-однообразных музыкальных фраз — образ бездушной, сминающей все на своем пути, страшной машины. И почти следом — известные, но каждый раз сжимающие сердце кадры — война, ленинградская блокада...

Послевоенное время. Потери, утраты друзей, смерть жены. Упреки, нападки критики и некоторых коллег — привычные по тем временам ярлыки «формалиста», «натуралиста». Приказ об освобождении Шостаковича от работы в консерватории...

Неизбежно меняясь с годами, оставалось неизменным его лицо — лицо вечного мальчика с печальными глазами за толстыми стеклами очков и глубокой складкой меж бровей. Август 75-го. Больничная палата. Аккуратно застеленная кровать.

..Положив голову на колени матери, спит маленький мальчик. Пускай спит. Он еще не знает, что он — гений.

Что объединяет эти картины, появившиеся с перерывом почти в полтора десятилетия? Тема — эпоха и художник: оба фильма — из серии (назовем ее условно) «ЖЗЛ в документальном кинематографе». Стремление к возможно более глубокому, объем-

ному воссозданию образов Композитора и Писателя, к осмыслению взаимоотношений каждого из них со Временем. Фильмы эти объединяет, увы, и еще одно — непростая судьба: в свое время оба они не были выпущены на экран. В прошлом году их посмотрела конфликтная комиссия Союза кинематографистов СССР, есть и распоряжение Госкино СССР о выпуске их в прокат. Заметим, однако, что встреча фильмов со зрителем еще не состоялась...

М. МУРЗИНА.